

УДК 81'38
DOI 10.52452/19931778_2023_1_185

ЭКСПЛИКАЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ АУКТОРИАЛЬНОГО НАРРАТИВА

© 2023 г.

Т.Е. Старостенко

Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, Минск, Беларусь

tstarascienka@gmail.com

Поступила в редакцию 04.10.2022

Целью статьи является характеристика языковых средств выражения коммуникативных отношений между такими субъектами ауториального нарратива, как нарратор и персонаж, персонаж и персонаж. В качестве основных методов исследования выступили функционально-стилистический и структурно-описательный.

Выделены особенности формирования имплицитного диалога между субъектами прозаического дискурса на основе синтаксического уровня, цитат, вставных конструкций, местоимений, композиционных приёмов субъективации. Определена сочетаемость нарраторского и персонажного сегментов с оценочной позицией персонажа в различных модусах. Выявлена специфика коммуникативного эффекта отношений между персонажами ауториального повествования. Автор рассматривает контаминацию разных речевых пластов, их внутреннюю динамику на основе идиостиля писателя, что позволяет глубже понять особенность художественного текста и в дальнейшем продолжать проводить исследования по коммуникативной стилистике.

Ключевые слова: ауториальный нарратив, нарратор, персонаж, коммуникативная модель, модус, точка зрения.

Введение

Изучение ауториального прозаического дискурса связано с вниманием к разнообразным субъектам, которые, взаимодействуя друг с другом на имплицитном уровне, создают неповторимое коммуникативное пространство. Внутренняя диалогизация монологической формы речи с экзегетическим повествователем имеет «парадоксальную возможность для коммуникации между недиегетическим нарратором и персонажем» [1, с. 23], при которой реализуются «новые формы присутствия автора в тексте» [2, с. 8]. Такие формы в научной литературе определяются как «синкретическое повествующее лицо» [3, с. 52], при этом рассматривается план выражения от 3-го лица, в котором объединяются первые лица плана содержания. Динамика ауториального нарратива возникает в результате взаимодействия разных субъектных перспектив, приближенных или, наоборот, отдаленных от повествователя. Возникает, на наш взгляд, эффект сопоставления и противопоставления, благодаря которому читатель приближается к художественным событиям, что в определённой степени соответствует и внешней диалогизации. Взаимодействие разных субъектов ауториального нарратива изучали В. Шмид [4], М.М. Бахтин [5], Е.В. Падучева [6], Т.Ф. Плеханова [7] и другие исследователи художественного текста. Тем не менее некоторые вопросы требуют более

детального анализа. Поэтому целью статьи является характеристика языковых экспликантов взаимодействия субъектов ауториального нарратива и, соответственно, имплицитной диалогизации, в которой доминантную позицию занимают коммуникативные модели (КМ) «нарратор – персонаж» и «персонаж – персонаж». Фактическим материалом послужили прозаические произведения белорусского писателя Генриха Далидовича.

Коммуникативная модель «нарратор – персонаж»

В ауториальном нарративе КМ «нарратор – персонаж» проявляется благодаря несобственно-прямой речи (НПР), введенной несколькими способами:

1) через препозиционную косвенную речь (КР), вербализованную несколькими придаточными частями, которые переходят в НПР: *Логвін стаяў, злаваўся, крыўдзіўся, што ўсё ў яго жыцці выходзіць не так, як павінна быць, што яго, бадай, не паважаюць, як паважаюць іншых людзей. Але што рабіць? Вучыцца быць рашучым, смелым, нахабным? Патрабаваць сваё, ні на што не зважаючы? Свае інтарэсы ставіць вышэй за ўсё астатняе?* («Настаўнікі»);

2) через нарраторский сегмент с оценочностью персонажного фокуса: *Як пачуў, дык стала лягчэй. Можна, сапраўды перасілілася, крыш-*

ку адпачне – і зноў стане на ногі. Іначай і быць не можа. Бо што ж ён тут, на хутары, ёй на радзіць, як выратуе ад болю («Жывы покліч»);

3) через разграничение нарраторского и персонажного фокусов: *Васіль не адказаў. Пераадольваў сам і страх, і шкадобу на Рыжым, бо меў на каня вялікія надзеі. Які ж ён цяпер, без каня, гаспадар? Як стане на ногі?* («Жывы покліч»).

Оппозиция нарратор/персонаж НПП актуализируется преимущественно через экспрессивные синтаксические конструкции с репрезентацией взволнованного внутреннего состояния героя: *Пазіраючы ў вялікія і глыбокія ўнукавы вочы, Лявончык зноў сумеўся. А раптам і ў іх хутка заявіцца папрок?* («Помнік на ўзгорку»).

При рассмотрении КМ «нарратор – персонаж» на уровне КР необходимо учитывать факт смещения повествования в сторону двухплановости отражения со стилистически маркированным или слабо маркированным субъектным планом. В прозаическом дискурсе Г. Далидовича в отмеченных конструкциях, частое употребление которых свидетельствует о способности повествователя проникать не только в речь, но и в ментальный и эмоциональный мир героя, оппозиция нарратор/персонаж «снимается», поскольку придаточная часть с актуализацией позиции «другого» в стилистическом отношении совпадает с главной, нарраторской. Активные в употреблении предложения с повествовательским углублением в психологию героя, при этом главная, нарраторская, часть имеет определенные разновидности.

Первая из них – агентивные конструкции с вербализацией активности субъекта-агенса: *Навіцкі парадаваўся, што нікога няма ля пад'ездай лаўкі...* («Знайсці-страціць»). У Г. Далидовича субъектам-агенсами, кроме личности, выступает и животное – лосенок, точка зрения которого репрезентируется через прием острашения: *...яно... ўбачыла, што сядзіць каля яго на каленях невядомы яму звер, трымаючы прарэднія ногі з доўгімі пальцамі высока над зямлёю* («Губаты»), где зверь в восприятии животного – человек.

Конструкции КР с репрезентацией свободного проникновения субъектных планов широко представлены в прозаическом дискурсе и с такой разновидностью главной, нарраторской, части, как деагентивная. Мысли и чувства пациента, вербализованного дателным падежом, при актуализации в придаточной части включают рассуждения о других личностях: *...яму здавалася, што некаторыя настаўнікі маюць залішні страх перад усякім начальствам* («Настаўнікі»). Специфика деагентивных частей Г. Далидовича в том, что они могут упо-

требляться как с эксплицированным дателным падежом пациенсом, так и с имплицированным, субъективность которого выводится с помощью безличных глаголов ментального состояния: *Ноччу... прытрызнілася, што наблізу блукае маці, ціхенька падклікае яго...* («Губаты»). Используются и предикативы внутреннего состояния, которые выразительно указывают на позицию «другого»: *Хоць не, можа, і добра, што пакінуў вёску...* («Быць разам»).

Интерференции субъектных перспектив КМ «нарратор – персонаж» содействуют также препозиционные к точке зрения героя экзистенциальные предикативные части. Причем в них сема существования выражается глаголом с прямым значением: *Была радасць, што ён цяпер ідзе дадому...* («Адлюблю за ўсю маладосць») – и метафоризованными глаголами со значением возникновения: *А вось сёлета, бадай, упершыню прыйшла трывога, што ўсё на свеце мяняецца, прыходзіць і адыходзіць, але толькі не маладосць* («Асення лета»).

В нарраторской части – конструкции характеристики – синтаксический субъект-воплощение владеет значительным воздействием на сознание человека, подчиняя себе его волю: *...да яго падкацілася, запоўніла добрая радасць, захапленне, што ён тут жыве, бачыць усё гэта...* («Настаўнікі»).

Диалогизации нарраторской и персонажной речи содействуют введенные в объективное повествование цитаты с экспликацией точки зрения одного героя: *Тая ўбачыла яго, «начальніка», з акна класа, спалохана выскачыла на калідор* («Настаўнікі»). Причем персонажная цитата приобретает оценочный характер и определенным образом воздействует на повествовательный сегмент, что позволяет согласиться с мнением Г.П. Немца: «Модальность оценки – не случайное явление, не спонтанная форма выражения отношений» [8, с. 129]: *...Анька... пачала натхнёна расказваць пра сваіх «смелых і разумных» сыноў...* («Юля»). Цитата в прозе Г. Далидовича может актуализировать точку зрения персонажа в составе группы личностей (инклюзивного субъекта): *Таму даўнавата ўжо адчувалася, што ў іх «нешта ёсць...»* («Міхаіл Апанасавіч і Каця»).

Голос «другого» в аукториальном дискурсе Г. Далидовича выделяется и на уровне парентетических вставок, коммуникативную направленность которых отмечает А.А. Мецлер [9]. Его рассмотрение таких конструкций ограничивается нарраторской точкой зрения, когда повествователь «навязывает» своё понимание адресату текста. На основе этого можно сделать вывод, что нарраторские вставки создают

внешнюю диалогизацию, поскольку коммуникативно соотносятся с читателем и воздействием на его. Внутренняя диалогизация парентетических вставок возникает в случае их репрезентации субъектного фокуса на аукториальном фоне. Позиция персонажа в нарраторской речи актуализируется через вопросительные конструкции с рассуждением: *Убачыў: не, хвою не вывернуў вецер (ды і як яна, сырая, цяжкая, магла паваліцца, калі не было на днях ні навальніцы, ні моцнага ветру?), яе не было зусім* («Старая сасна»). Герой экзегетической наррации Г. Далидовича, внимательно присматриваясь к окружающему миру, дополняет, детализирует, оценивает объекты: *Дочки ж... запалілі ў печы (чуваць было, як пачаў слацца па двары смалісты дым)...* («Міхаіл Апанасавіч і Каця»). Вставные конструкции в таком случае являются «средством переключения части информации в другой, параллельный коммуникативный план» [10, с. 98], который способствует раскрытию мировосприятия одного из субъектов. Герой Г. Далидовича проникновенный, внимательный, что эксплицируется модальным планом проблематической вероятности: *Але тая нічога не сказала, толькі... дастала з карзіны і выклала на стол звязаную хустку з яйкамі, абвязаны збанок (мусіць, з малаком), слоік смятаны...* («Жывы покліч»). Г. Далидович включает персонажную цитату в парентетическую конструкцию, тем самым разграничивая субъектные перспективы аукториального повествования: *Пазней Яніна і Васіль адмовіліся ад пачастункаў («мы павячэралі ўжо»), Янка піў і еў мала* («Жывы покліч»).

Субъективность на уровне аукториального повествования позволяет осознать диалогизм монологической наррации. Этическое измерение прозы Г. Далидовича проявляется в том, что нарратор не захватывает художественное пространство и время исключительно своей позицией, а присоединяет к внутреннему «сотворчеству» других субъектов, позволяя им проявлять своё видение событий и оценивать их. Проза определяется сложным характером взаимодействия речевых структур автора с речевыми структурами персонажей, в котором автора следует понимать как автора-повествователя. В результате создается художественный мир с динамической системой постоянных изменений. Динамика нарраторского и персонажного речевых пластов характеризуется глубоким взаимодействием и взаимопроникновением. В такой непрозрачности границы между разными субъектами экзегетического нарратива возникает имплицитная диалогизация, в которой необходимо отличать, выделяя по определенным язы-

ковым маркерам, соответствующие точки зрения. Целостное представление об идиостиле писателя складывается из множества факторов, одним из которых является контаминация разных речевых пластов, их глубокая внутренняя динамика. На наш взгляд, именно подход с позиции имплицитной диалогизации должен определять парадигму разноуровневых языковых экспликантов идиостиля писателя.

В прозаическом дискурсе Г. Далидовича оппозиция *нарратор/персонаж* имеет свою особенность в употреблении неопределенных местоимений как экспликантов нарраторской и персонажной точек зрения. Актуализируется оппозиция *нарратор/персонаж* по критерию *полноты/неполноты* знаний, причем когда повествователь проявляет полное незнание внутреннего состояния героя: *...і ў душы Губатага нешта як варухнулася* («Губаты»), то у персонажа наблюдается переход от незнания до полноты восприятия через приём представления. При условии, что таким персонажем выступает животное (лось), к отмеченному приёму в рассказе «Губаты» присоединяется ещё и приём остранения: *нешта (...нешта вялікае, пахае і лесам, дымам, смалою, ... прысела над ім)* постепенно трансформируется в зверя (реально – человека), который, с точки зрения лоса, имел такой вид: *І гэтыя ногі, і твар зверя былі белыя, зусім без шэрсці, добра кранутыя загарам. Доўгая шэрсць была толькі на круглай галаве з высокім белым ілбом.*

Такой же переход от неопределенности до конкретики, но уже без приёма остранения, характерен для героев-личностей Г. Далидовича. Особенностью их восприятия является контаминация приёма представления с монтажным: *Хтосьці незнаёмы затупаў на дварэ, мільгануўся ля акон... Юля не паспела заўважыць, хто гэта, здалося толькі, што ішла жанчына. Калі адчыніліся дзверы, так і было: зайшла высакаватая поўная кабета. Апанута яна была не патутэйшаму, па-гарадскому – у тоўстым варсістым футры, бліскучых высокіх ботах, высокай, ці не броврай, шапцы, з моднай невялікай сумачкай. Гэтая салідная дама была яе сяброўка, Анька* («Юля»). Синтаксический субъект с неполнотой знаний (*хтосьці незнаёмы*), который эксплицирует точку зрения персонажа, в дальнейшем приобретает общий план (*жанчына, поўная кабета*), затем – крупный при описании особенностей внешнего вида. Сочетаемость нескольких приёмов субъективации усиливает позицию «другого» в экзегетическом нарративе Г. Далидовича.

Специфика синкретического повествовающего лица в том, что оно способно сочетать narra-

торский и персонажный сегменты с оценочной позицией персонажа КМ «нарратор – персонаж» в модусах восприятия, рассуждения и воспоминания. Категория ретроспекции Г. Далидовича занимает независимое положение. Объективно-авторская композиционно-текстовая разновидность структурно представляет собой прозаическую строфу («Юля») или занимает объёмный текстовый сегмент (развернута). Объём развернутой ретроспекции эксплицируется на уровне нескольких фрагментов («Помнік на ўзгорку», «Юля») с семей жизненных испытаний. Между прошлым и настоящим героев Г. Далидовича складываются контрастные отношения: современность, включая стабильность и точную определенность жизненной позиции, противопоставляется ретроспективному плану с горечью испытаний и бессмысленностью поисков.

У Левончика («Помнік на ўзгорку») боль прошлого исходит из собственной вины и проникает в глубину интроспекции через возрастающую градацию *сем гадоў турмы – пакаранне Ганніна, Рыгорова, усёй вёскі – пакаранне асабістае* именной предикат-рему с актуализацией состояния героя: *Помнік гэты – вечны яму дакор. У Юлі («Юля») страдания* прошлого, связанные с бывшим мужем, вербализируются в доминантной конструкции *Генадзь вінаваты ў яе такім цяперашнім жыцці*, где субъектно-предикатные отношения раскрывают категорическую уверенность героини. В процессе дальнейшего развертывания ретроспекции эта уверенность возрастает в предикатах с семей моральной распущенности Геннадия: *...халадзеў да яе, не завіхаўся з работы дамоў, пачаў выпіваць з сябрамі, а пасля і зусім разбасячыўся... завёў сабе другую, падкаціўся да маладой удавы...* Ретроспекция на уровне прозаической строфы («Юля») выстраивает с презенсным состоянием персонажа контрастные отношения: в прошлом присутствует сема 'радость', в настоящем – 'грусть'. Актуализируется темпоральная оппозиция, в которой имперфектные значения глаголов усиливают семантику детского счастья: *Юлі ўспомнілася, што вось так было і раней, калі яна была зусім малая: яе з сабою ў лес браў бацька... Ехала яна, а бацька стомлена ішоў збоку... і, хоць быў стомлены, жартаваў. І яна весялела ад тых жартаў, ... усміхалася...* Презенсные формы имплицитно боль за судьбу сына, воспитывающегося без отца: *Цяпер вось, сённяшнім днём, едзе на возе яе сын, а ідзе побач яна, маці.*

В модусе восприятия персонажей Г. Далидовича преобладает природа. Точка зрения субъекта аукториального нарратива проявляется также в описаниях деревни (в том числе с за-

уженным локусом дома), города и человека. Переключение нарраторского сегмента на персонажный в модусе восприятия происходит с помощью глаголов-индикаторов перфектного значения *зірнула, падаўся, убачыў, паехаў, заплыніўся, выйшаў*. По существу, при сохранении эпического претерита оппозиция *нарратор/персонаж* возникает на основе аспектуальности. Имперфект героя свидетельствует о проницательности описания окружающего мира, поскольку через именные и глагольные предикаты реализуется неспешность субъектной позиции. Статальная рематическая доминанта отражает состояние природы: *Пасля начнога дажджу стрэхі і сцены вішнёўскіх хат былі мокрыя, цёмныя, толькі дзе-нідзе, над самымі карнізамі, святлеліся шэрыя сухія палосы. На вуліцы, што вяла ў суседнюю вёску, Міланькі, у шматлікіх выбоінах блішчэлі невялікія лужыны («Настаўнікі»); Палавелі жаўтавата-белыя лапікі малага, з дробным калоссем жыта, пшаніцы і ячменю, зелянеліся авёс і бульба, але яшчэ больш гусцеліся абшары пырніку, лебяды, высьзнага, у рост чалавека, асоту з шэрымі галоўкамі, жоўтых свірэпы і лубіну («Жывы покліч»); Тут, на дварэ, пасля зімовых маразоў, мяцеліц усталёўвалася пшачотная сакавіцкая цяплынь. Неба было ўжо высокае, блакітнае, з кучмамі белых воблакаў, з амалоджаным яркім сонцам («Жывы покліч»).*

Модус восприятия природы может контаминироваться с изобразительным приемом субъективации повествования, эксплицированным через одушевление. В таком случае оппозиция *нарратор/персонаж* Г. Далидовича актуализируется уже не по признаку аспектуальности, а по стилистической маркированности. «Сдержанный» повествователь уступает место проницательно-эмоциональному персонажу Регине, мировосприятие которой, вербализованное тропеическими средствами, выделяется на стилистически нейтральном фоне: *Рэгіна ішла-ішла, а пасля міжволі зірнула ўверх: за белыя, што гурбы снегу, толькі на краях падсіненныя воблакі заплыло невялікае яркае сонца і раптоўна ўзвіўся налётны дзьмухавей. Здаецца, прамчаўся, гонячы замець, па доле, ударыўся аб сцяну, падскочыў угору, засвістаў пад страхом, а пасля выскачыў на дах і змеў з яго сухі снег («І свае, і чужыя»).*

Интроспективный план героя (модус мечты) сопоставляется с модусом восприятия в семе 'перемены' («Ада»). Футуральные конструкции с репрезентацией внутреннего состояния молодой учительницы *Яна чакала снегу, надумалася: настане снежная пара – штосьці новае, блізкае і радаснае народзіцца ў яе душы, і сама яна*

стане веселейшая, убачыць тое, чаго дасюль не магла разгледзець парадигматически связаны с восприятием героини: *Ада аж скаланулася: на дварэ ціха і навольна сытаўся сухі лёгкі сняжок, якога яна столькі чакала*, в котором имперфектная форма (*сытаўся*) приобретает значение настоящего момента наблюдения. Парадигматическая когезия внутреннего и внешнего позволяет реализовать символическое наполнение лексемы *снег*: чистота природы синонимизируется с положительными изменениями в личной жизни, становится не внешней реальностью, отдаленной от человека, а частью его самого. В прозаическом дискурсе Г. Далидовича пейзаж и человек взаимопроникновенные через конструкции с футуральной семантикой, где снег становится синонимом чистоты новой страницы женской жизни.

В модусе восприятия города и деревенского дома присутствует монтажный приём, благодаря которому Г. Далидович отражает смену объектов в соответствии с точкой зрения персонажа: *Калі выйшаў з вагона, Русовіч зноў убачыў знаёмы гарадок – вузенькі пры пероне скверык, збоку яго – жалезныя вароты, праз якія трэба ісці ў горад, пустыя скрынкі з-пад піва, што былі складзены ля сцяны буфета. За варотамі разлягалася шырокая белая плошча. Збоку на ёй стаяла наблізу таксі («Быць разам»); Сам скінуў сандалі, абуў тапачкі і ў іх падаўся ўжо ў хату. Там было чыста, утульна: свежая белая столь, вымаляваная ў блакітны колер печ, на падлозе ляжаў новы чысты ходнік, стол быў засланы новаю цыратаю («Старая сасна»)*. При восприятии человека монтажный приём у Г. Далидовича приобретает другую специфику, со сменой планов от общего к крупному («Юля»).

Коммуникативная модель «персонаж – персонаж»

В КМ «персонаж – персонаж» точки зрения субъектов противопоставляются на основе субъективной модальности по критерию *симпатии/антипатии*. В прозаическом дискурсе Г. Далидовича парадигма экспликантов КМ включает: «Маня – Соловей» («Маня»), «Янина – Русович» («Быць разам»), «Катя – Михаил Апанасович» («Міхаіл Апанасавіч і Каця»), «Люда – Василий» («“Адлюблю за ўсю маладоць”»), «Юля – Николай», «Юля – Геннадий», «Юля – Владимир Семенович» («Юля»). Между персонажами складываются отношения как сопоставления (преимущественно), так и противопоставления (Юля – Владимир Семёнович). Сопоставление в семе ‘любовь’ репрезентируется через пассивизацию субъекта-личности с воз-

действующим на него сильным чувством: *Недзе торгнула і балюча зашчымела жылка, заклацілася сэрца так, як даўно ўжо не трывожылася* (Маня); *Гэтае адчуванне вельмі ўразіла...* (Михаил Апанасович); *...прыемна ёй, што ён настаўнік...* (Катя), *ацэначнасць: ён цалаваў яе шчокі, глытаў салёныя слёзы* (Соловей); *Цяпер яна здавалася прыгожаю як ніколі; ...і была ў гэтую хвіліну свойская, блізкая ды родная* (Русович); *...паглядзеўшы на яго маладога, разгубленага...* (Люда); *...Люда мілая і вельмі вабная...* (Василий).

Для оценочности персонажей Г. Далидовича при восприятии любимого человека характерна экспрессивность, которая проявляется в использовании нескольких именных предикатов (Русович, Василий), что позволяет согласиться с мнением Л.Б. Никитиной: «Чем больше предикатов входит в высказывание, тем более интенсивный его общий положительный или отрицательный оценочный смысл» [11, с. 69]. Позитивнооценочная интенсивность исходит из структуры составного сказуемого, в котором абстрактная связка или ее нулевая форма приобретает значение настоящего постоянного с временной нелокализованностью искреннего чувства. Динамика точек зрения КМ «Юля – Николай», «Юля – Геннадий», «Юля – Владимир Семенович» («Юля») развертывается в сопоставительном и противопоставительном аспектах.

Сопоставление КМ «Юля – Николай» в семе ‘любовь’ связано с корреляцией ретроспективного плана и интроспекции, проникающими в презенс героев. Репрезентантами внутреннего состояния Юли становятся личные конструкции с субъектно-предикатными отношениями взволнованности: *...як...моцна стукала кроў у скроні, як зашчымела сэрца*, которые продолжают и в настоящем постоянном: *...надта добра ён увесь час адносицца, ласкава і пяшчотна назірае*. Для Николая актуализатором светлого чувства является имперфектная форма с темпоральным сирконстантом неопределенной временной референции прошлого: *...тое маладое, свежае пачуццё, што трывожыла некалі яго сэрца...* Сопоставление КМ «Юля – Геннадий» развертывается в ретроспекции персонажей через контрастные семы ‘любовь’ и ‘неприятность’. Сема ‘любовь’ фокуса Юли реализуется в оценочности определенных и именных предикатов: *І ён спачатку быў такі ж, – здаецца, з добрым сэрцам, з увагаю да яе, вельмі жаданы, страсны; стаў добры бацька; здаўся добры; у святочным касцюме, паголены*. Для Геннадия необходима реакция любимой в глаголе эмоционального состояния (*Яна... усміхалася яму*), чтобы прочувствовать

внутреннее счастье, эксплицированное предикатной формой с интенсификатором: *...быў вельмі задаволены*. Такое же развёртывание чувства Геннадия (от внешнего к внутреннему) с семей 'неприятность': через отношения Юли в качественных наречиях (*прамовіла незадоволена, злосна*) к интроспекции в отрицательной конструкции с переходным глаголом (*не адчуў нічога добрага для сябе*). Точка зрения Юли с семей неприязни к Геннадию эксплицируется через отрицательную оценочность парцелляции и именного предиката: *Вярнуўся ён позна. Брудны, нямыты пасля работы, прапахлы бензінам, няголены і п'яны. Юля аж вацам сваім не верыла, які ён стаў нехайны*. Модель «Юля – Владимир Семенович» актуализирует оппозицию *симпатия/антипатия*, причем со стороны Юли антипатия приобретает мелиоративный оттенок, вербализуясь в предикатной оценочности с семей жалости: *ён быў крыху смешнаваты; зусім ён нясмелы, нерашучы; ён такі бездапаможны*. Позицию Владимира Семеновича репрезентирует КР с семей любви: *...не прызнаўся, што падабаецца яму, што ён хоча ўзяць яе замуж*.

Заключение

Таким образом, рассматривая экспликацию КМ аукториального нарратива, можно сделать следующие выводы. Монологическая форма с экзегетическим нарратором включает разнообразные формы диалогизации, языковое представление которых зависит от идиостиля писателя. Особенный интерес представляют КМ имплицитного диалога. Наиболее выразительно они реализуются отношениями «нарратор – персонаж» и «персонаж – персонаж». Экспликантами КМ «нарратор – персонаж» являются НПР, КР (агентивные, деагентивные, экзистенциальные конструкции), цитаты, парентетические вставки, неопределенные местоимения, композиционные приёмы субъективации, модулы восприятия, рассуждения и воспоминания. В результате таких языковых отношений нарратора и персонажа возникает своеобразный диалог, позволяющий «услышать» и понять голоса разных субъектов в так называемом объективном

авторском повествовании. Реализация КМ «персонаж – персонаж» происходит на основе сопоставления и противопоставления точек зрения героев произведения, что репрезентируется грамматическими средствами (пассивизация субъекта-личности, именные предикаты, качественные наречия). Взаимодействие и взаимопроникновение разных субъектных сегментов создает эффект сопоставления или противопоставления, который, в свою очередь, влияет на динамику разворачивания аукториального нарратива.

Список литературы

1. Попова З.А. Поэтика прозы Л. Добычина. Нарратологический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 34 с.
2. Волохова Е.С. Поэтика акториального повествования (роман М. Каннингема «Часы»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2005. 21 с.
3. Винокур Т.Г. Первое лицо в драме и прозе М. Булгакова // В сб.: Очерки по стилистике художественной речи / Отв. ред. А.Н. Кожин. М.: Наука, 1979. С. 50–65.
4. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008. 304 с.
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
6. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
7. Плеханова Т.Ф. Текст как диалог. Минск: МГЛУ, 2003. 251 с.
8. Немец Г.П. Грамматические средства выражения модальности в русском языке. Харьков: Око, 1991. 164 с.
9. Мецлер А.А. Структурные связи в тексте (парентезные конструкции). Кишинев: Штиинца, 1987. 144 с.
10. Лапотько А.Г. Роль аграмматичных полипредикативных построений в художественном тексте // В сб.: Структура и семантика текста / Отв. ред. И.Я. Чернухина. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1988. С. 92–100.
11. Никитина Л.Б. Интеллект человека в высказываниях – портретных характеристиках // В сб.: Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка). Часть I / Отв. ред. М.П. Одинцова. Омск: Омский гос. ун-т, 2000. С. 66–76.

EXPLICATION OF COMMUNICATION MODELS OF THE AUCTORIAL NARRATIVE

T.E. Starostenko

The purpose of the article is to characterize the linguistic means of expressing communicative relations between such subjects of an auctorial narrative as a narrator and a character, a character and a character. The main research methods were functional-stylistic and structural-descriptive.

The article highlights the features of the formation of an implicit dialogue between the subjects of prose discourse on the basis of the syntactic level, quotations, interstitial constructions, pronouns, compositional techniques of subjectivation. The compatibility of the narrator and character segments with the estimated position of the character in various modes is determined. The specificity of the communicative effect of relations between the characters of the auctorial narration is revealed. The author examines the compounding of different speech layers, their internal dynamics on the basis of the writer's idiosyncrasy, which allows a deeper understanding of the peculiarity of the literary text and in the future to continue to conduct research on communicative style.

Keywords: audience narrative, narrator, character, communicative model, mode, point of view.

References

1. Popova Z.A. Poetics of L. Dobychin's prose. The narratological aspect: Abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences. SPb., 2005. 34 p.
2. Volokhova E.S. Poetics of the auctorial narrative (M. Cunningham's novel «The Clock»): Abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences. N. Novgorod, 2005. 21 p.
3. Vinokur T.G. The first person in the drama and prose of M. Bulgakov // In the collection: Essays on the stylistics of artistic speech / Ed. A.N. Kozhin. M.: Science, 1979. P. 50–65.
4. Schmid V. Narratology. M.: Languages of Slavic culture, 2008. 304 p.
5. Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity. M.: Art, 1986. 445 p.
6. Paducheva E.V. Semantic research (Semantics of time and type in the Russian language; Semantics of narrative). M.: Languages of Russian culture, 1996. 464 p.
7. Plekhanova T.F. Text as a dialogue. Minsk: MSLU, 2003. 251 p.
8. Nemets G.P. Grammatical means of expressing modality in the Russian language. Kharkiv: Oiko, 1991. 164 p.
9. Metzler A.A. Structural connections in the text (parenthetical constructions). Chisinau: Stiinza, 1987. 144 p.
10. Lapotko A.G. The role of agrammatical polypredicative constructions in a literary text // In the collection: Structure and semantics of the text / Ed. I.Ya. Chernukhina. Voronezh: Voronezh State University, 1988. P. 92–100.
11. Nikitina L.B. Human intelligence in statements – portrait characteristics // In coll.: Language. Human. A picture of the world. Linguoanthropological and philosophical essays (based on the material of the Russian language). Part I / Ed. by M.P. Odintsova. Omsk: Omsk State University, 2000. P. 66–76.